

С. О. ШМИДТ

НОВОЕ О ТУЧКОВЫХ (Тучковы, Максим Грек, Курбский)

Недавно Археографической экспедицией Сибирского отделения АН СССР под руководством Н. Н. Покровского была обнаружена рукопись конца XVI в., 39-я глава которой представляет собой «судный список» Максима Грека.¹ Это самый полный и самый ранний из известных ученым списков знаменитого судебного процесса времени Василия III, вернее, даже двух процессов — 1525 и 1531 гг.

Среди многих ценных сведений списка значительный интерес представляют данные о роли Тучковых в осуждении Максима Грека: «А Михайло Тучков бил челом великому князю (...), сын его Василей ходил к Максиму (...) его спроси. И Михайлов сын Василей ве[ликому] князю сказал: Яз, государь, к Максиму был прихож и (...) || мне грамоту греческую. И просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, а молвил ему: Поживи еще здесь. И Максим говорил: Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство. И, став Михайлов сын Тучкова Василей с Максимом с очей на очи, говорил, что те речи про великого князя Максим говорил, что государь гонитель на христианство, как и прежние гонители. И Максим сказывает: Того не говаривал. И Василей говорил, что те речи у Максима слышал» (л. 340 об.—341).²

Отец и сын Тучковы — Михаил Васильевич и Василий Михайлович — были заметными фигурами в общественно-политической жизни России первой половины, особенно второй четверти XVI в. О деятельности их многое знали и публицисты второй половины

¹ См. Н. Н. Покровский. Сибирская находка (Новое о Максиме Греке). Вопросы истории, 1969, № 11.

² Рукопись в настоящее время подготовлена для публикации ГАУ при Совете Министров СССР, Сибирским отделением АН СССР и Археографической комиссией при Отделении истории АН СССР.

века, однако о Тучковых дошли сведения явно неполные, подчас странные или откровенно тенденциозные.

Михаил Васильевич Тучков — представитель старомосковской знати (из рода Морозовых),³ сын конюшего⁴ и боярина, выдвинувшийся на служебном поприще еще в самом начале столетия,⁵ к 1511 г. окольныйчий,⁶ выполнявший обязанности воеводы⁷ и ответственные дипломатические поручения (в 1511—1515 гг. посол в Крыму, в 1516 г. — в Казани⁸), названный при этом оба раза в летописи (очевидно, «посольства для») боярином,⁹ на самом деле боярством был пожалован позднее — в 7039 г. (т. е. в 1530/31 гг.).¹⁰ Тучкову в ту пору, можно полагать, было более пятидесяти лет, а этот возраст признавался тогда уже «старыми летами».¹¹ В этом же году, видимо, М. В. Тучкова пожаловали и дворецким, и он стал одним из приближенных Василия III. В январе 1533 г. боярин М. В. Тучков упоминается в разряде свадьбы Андрея Ивановича Старицкого, происходившей «у великого князя . . . в его хоромех».¹² Хотя с М. В. Тучковым Василий III обычно не совещался «сам

³ О роде Морозовых см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 196 и сл. (специально о Тучковых — стр. 205—207). Тучковы были в XVI в. богатыми землевладельцами (С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 223).

⁴ Об этом узнаем из «Выписи из великого князя книги дьяка Тимофея Казакова» сентября 1534 г. «о ногайских лошадех», дошедшей в рукописи XVI в. Выпись содержит, в частности, интересные подробности о способах выявления прецедентов для решений Боярской думы. Выясняя размеры пошлины, взимавшиеся прежде при продаже ногайских лошадей, «князь великий и великая княгиня (т. е. Елена Глинская именем малолетнего Ивана IV, — С. III.) обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюших, а имали при нем Сергея монастыря пошлины с лошади по осми денег» (РО ГПБ, Погодин. собр., № 1564, л. 41—41 об.). См. также: С. М. Каптанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 437—438.

⁵ Наместник в Галиче в 7009 г. (АСЭИ, т. III, М., 1964, № 250); Русский исторический сборник, т. 5, М., 1842, стр. 18, 20, 21, 23.

⁶ См.: А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. Археограф. ежегодник за 1957 год, М., 1958, стр. 51, прим. 116. С. Б. Веселовский (Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 206) ошибается, датируя пожалование окольничества Тучкову 1516/17 г., окольным его называют в 1511 г. и в летописи (под 7020 г.), и (под 7019 г.) в Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. (Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 100).

⁷ См.: Разрядная книга 1475—1598 гг. Подг. текста В. И. Буганова. М., 1966, стр. 61, 64, 67.

⁸ ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904, стр. 16, 385; т. XX, стр. 391; Сб. РИО, т. 95, СПб., 1895.

⁹ ПСРЛ, т. XX, стр. 385, 391.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 206; А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, прим. 116.

¹¹ О представлении людей XVI в. о возрасте мужчины см.: Максим Грек. Соч., ч. III. Казань, 1862, стр. 281.

¹² Разрядная книга, стр. 16.

третьей у постели», он был приглашен умирающим великим князем для обсуждения текста духовной и вопросов «устроения земского» при малолетнем наследнике престола: по летописи, «князь велики прибави к собе в думу к духовной грамоте бояр своих» кн. И. В. Шуйского, М. В. Тучкова да кн. М. Л. Глинского.¹³ А. Е. Пресняков полагает, что бояр, присутствовавших при составлении духовной, должны были поименовать в конце документа.¹⁴ Духовная Василия III до нас не дошла, рассказ официальной летописи о завещании Василия III и составе назначенного им регентского совета при мальчике Иване IV подвергался переработке,¹⁵ причем имя М. В. Тучкова оказалось выпущенным и в Царственной книге, и в некоторых других списках летописей,¹⁶ однако есть основания считать, что Тучков был среди «бояр немногих», которым Василий III приказал сына «беречи до 15 лет».¹⁷ Все восемь месяцев, пока регентский совет был у власти (до августа 1534 г.), М. В. Тучков занимал высокое место в государстве: бежавший в июле 1534 г. из Москвы польский жолнер дважды в своих показаниях называет Тучкова сразу вслед за Шуйскими, перечисляя тех, кто «на Москве... всякие дела справуют», «на Москве старшими воеводами, которыхи в Москве не мают николи зъехати»,¹⁸ т. е. фактически ведают делами Боярской думы.

В 7043 г., т. е. в 1534/35 г., Тучков лишается должности дворецкого (им становится кн. И. И. Кубецкий),¹⁹ но продолжает принимать деятельное участие в межбоярских расприх. И потерпев в борьбе Шуйских с Бельскими, как сторонник Бельских, в октябре 1538 г. был сослан «с Москвы» в свое село.²⁰ И в Синодальном списке Никоновской летописи, и в Царственной книге из бояр — сторонников И. Ф. Бельского и митрополита Даниила — назван один лишь М. В. Тучков. Во вставке в Царственную книгу отмечено: «и многие промеж них (бояр. — С. III.) бяше

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, стр. 557; см. также ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 272.

¹⁴ А. Е. Пресняков. Завещание Василия III. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платову. Пб., 1922, стр. 78.

¹⁵ Уже, вероятно, в годы господства Шуйских, оказывавших песомпенное воздействие на редактирование летописей в 1542—1544 гг. Это убедительно доказано С. А. Левинной (О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955).

¹⁶ Это отметил уже А. Е. Пресняков (Завещание Василия III, стр. 77, прим. 4; стр. 78, прим. 2). См. также ПСРЛ, т. XXIX, М., 1965, стр. 424, 423; т. XX, стр. 449.

¹⁷ А. Е. Пресняков. Завещание Василия III, стр. 78.

¹⁸ АЗР, т. II, СПб., 1848, № 179/II и III; И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 34, 44.

¹⁹ С. В. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 207.

²⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 98.

вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государским, ни земским». Поводом «вражды меж бояр», завершившейся казнью дьяка Федора Мишурина, послужила попытка И. Ф. Бельского и М. В. Тучкова («что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали») добиться пожалования боярства кн. Ю. М. Голыцину и окольников И. И. Хабарову, «а князь Василий да князь Иван Шуйские того не восхотеша». ²¹ По предположению С. Б. Веселовского, М. В. Тучков вскоре после этого «умер и нигде больше не упоминается». ²²

Между тем М. В. Тучков жил еще, по-видимому, более десяти лет: 7058 г. (1549/50 г.) датируется его дача Троицкому монастырю; ²³ во вкладной книге 1673 г. того же Троице-Сергиева монастыря ²⁴ упоминается его вклад 15 июля 1545 г., ²⁵ а также вклад В. В. и М. В. Тучковых 19 июня 1550 г. ²⁶

²¹ Там же, стр. 432.

²² С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 207.

²³ На село Деболы («Дебала»). ПКМГ, ч. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 14—15. Н. Е. Посов датирует это завещание 1538—1539 гг. (Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, стр. 220—222).

²⁴ Вкладная книга в копии С. Б. Веселовского: Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18. (Подлинник в Загорском музее). Сведениями по вкладной книге обязан любезности А. Л. Станиславского.

²⁵ По Иване Ивановиче Брюхове. Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18, л. 130.

²⁶ «Василий да Михайло Васильевы дети Тучковы по отце своем Василье — 50 рублей» (Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18, л. 193). Сведения эти, использовавшие и А. А. Зимним (Состав Боярской думы в XV—XVI веках, прим. 116), нуждаются в дополнительном комментировании. М. В. Тучков как будто не имел брата Василия и, судя по духовной его отца (не позднее 1497 г., см.: АСЭИ, т. I, М., 1952, № 612), был единственным наследником В. Б. Тучка. С. Б. Веселовский (Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 206) пишет о М. В. Тучкове как о единственном сыне Василия Борисовича Тучка. Да и странно было бы полагать, что старший сын знаменитого боярина Ивана III так и прожил в безвестности до более чем семидесятилетнего возраста. Можно было бы думать, что переписчик вкладной книги ошибся и следует читать «Василий и Михайло Михайловы дети Тучковы», так как М. В. Тучков действительно имел сыновей Василия и Михаила, умершего окольным в 7075 г. (Еще один сын Иван скончался не позднее начала 1537 г.: по душе его вклады М. В. Тучкова в той же книге 2 марта и 4 апреля 1537 г. — Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18, л. 193). Но тогда приходится усомниться и в дате кончины В. М. Тучкова, приведенной С. Б. Веселовским по списку Горницкого Переяславского монастыря. Между тем в рукописи синодика рубежа XVI—XVII вв. (сведениями этими обязан любезности Л. М. Костюхиной) после слов «Лета 7056 февраля 13 преставися Василий Михайлович Тучков» идет перечень имен этой семьи для поминания: «Василия, Михаила, Марию, Иоанна, Василия» (ГИМ, собр. Уварова, № 777, л. 31). Марией звали жену В. М. Тучкова, Иваном — сына его, упомянутых во вкладной книге Троицкого монастыря 1673 г. (на л. 193 запись о вкладе 18 сентября 7059 г.: «по Васильеве Тучкова жене Марии да сыне их Иване дано вкладу денег 100 рублей»). Возможно, что Михаилом и Ва-

А. А. Зимин на основании данных о вкладах 7058 г. называет М. В. Тучкова среди бояр 1540-х годов,²⁷ хотя следы его участия в думских делах за это время не выявлены, и считает, что Тучков выбыл из состава бояр к концу 1550 г.²⁸ Оставался ли М. В. Тучков, действительно, боярином в 1540-е годы, был ли в опале или оказался не способен к дальнейшей государственной службе по нездоровью, неясно. По-видимому, он не постригся в монахи перед смертью, так как во вкладной книге о вкладе по его душе (без даты) написано без упоминания монашеского имени²⁹ (как, впрочем, и без упоминания боярского звания).³⁰

Судьба М. В. Тучкова удивительно схожа с судьбой его отца Василия Борисовича: тот после опалы (1484 г.) прожил еще некоторое время (возможно, даже около пятнадцати лет),³¹ но карьера его была окончена и он нигде не упоминался.³²

Старший сын М. В. Тучкова Василий известен был как один из образованнейших людей своего времени, выделялся начитанностью и литературными склонностями. В 1520-е годы В. М. Тучков принадлежал к кружку московских аристократов, близких к Максиму Греку, затем прославился как писатель — автор одной редакции «Жития Михаила Клопского» (написанной им в 1537 г. в Новгороде по предложению архиепископа Макария)³³

скинем звали других сыновей В. М. Тучкова (скопчавшихся, очевидно, без потомства). В Горичком сиподяке вторым мог быть назван и интересующий нас М. В. Тучков, переживший своего сына, а также и сын его Михаил. Во всяком случае ясно, что привлекать данные о вкладе 19 июня 1550 г. в качестве сведений именно о М. В. Тучкове было бы неосторожно. Быть может, потому их и поостерегся приводить С. Б. Веселовский.

²⁷ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 56 (Тучков назван среди бояр, поддерживавших Бельских после июля 1540 г.); стр. 57, прим. 195 (назван среди бояр, остававшихся в думе к концу 1543 г.); стр. 59, прим. 219 (назван среди бояр, заседавших в думе накануне июньского восстания 1547 г.); стр. 63, прим. 255 (назван среди бояр коппа 1549 г.).

²⁸ Там же, стр. 63.

²⁹ Ср. отметку о вкладе Семпа Борисовича Брюхо (с указанием его монашеского имени — «в иноцех Серапион»). Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18, л. 129 об.

³⁰ «По Михайле Васильеве Тучкове написано в старом селнике: дано вкладу в Ростовском уезде село Деболь; и духовная на то село Михайлова отца Василья Борисовича, писана в вотчинной книге в Ростове» (Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 18, л. 193—193 об.). Духовная эта опубликована в АСЭИ (т. I, № 612). Очевидно, об этой же даче упоминание в Писцовой книге (ПКМГ, ч. I, отд. II, стр. 14).

³¹ С. Б. Веселовский, относя дату смерти В. Б. Тучка к началу 1480-х годов (Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 157, 205), не учитывал известия Ермолинской летописи об опале 6993 г. В другом варианте его труда это известие уже приводится (стр. 206, прим. 32).

³² См.: АСЭИ, т. I, стр. 633 (прим., составленное И. А. Голубцовым).

³³ См.: Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958, статья Л. А. Дмитриева (особенно глава «Тучковская редакция жития Михаила Клопского», там же указана основная литература).

п, возможно, других агиографических произведений, связанных с Макарьевскими четьи-минеями. Выявлено и влияние В. М. Тучкова на летописание: в новгородском владычном своде 1539 г. имеются вставки о Тучковых. Вставки эти, по мнению А. Н. Насонова, «служат примером того, как в тексте владычной летописи могли получить отражение интересы феодала или его рода».³⁴ Отметим, что вставки эти были сделаны тогда, когда И. Ф. Бельский находился в опале и временно восторжествовали Шуйские. В свод 1539 г. включены приведенные выше известия о том, что Василий III советовался с М. В. Тучковым о духовной и сделал его членом регентского совета, и «необычные для летописного текста эпитеты», характеризующие (под 1537 г.) В. М. Тучкова («храбрыи воиш Василей светлое око...», «селико разума от господа сподобися»³⁵). По той же летописи, В. М. Тучков «всегда в царских хоромех живыи», однако он не заслужил даже чина окольничего; в «росписи от поля» июня 1543 г., как и в грамотах, выданных «по слову» Ивана IV в 1541—1545 гг.,³⁶ назван рязанским дворецким,³⁷ а в разрядах царской свадьбы февраля 1547 г., в которых как родственник Анастасии Романовны³⁸ написал с женой в дружках певесты, упомянут вовсе без чина.³⁹ В официальной служебной документации имя В. М. Тучкова как будто после этого не встречается. Есть данные, что В. М. Тучков скончался 13 февраля 1548 г.; брат же его младший, Михаил, был в 1550 г. тысячником второй статьи по Ростову (в Ростовском уезде находились родовые поместья Тучковых).

Возникает пемало педоуменных вопросов. Почему имя М. В. Тучкова, почерненное в некоторых ранних летописных списках (едва ли не в годы влияния Шуйских), не было восстановлено в более поздних списках, прежде всего в официальных, и упоминается в тенденциозных вставках в лицевые летописи, а имя его сына Василия возвышено в неофициальных списках, восходящих к новгородскому своду, составлявшемуся под началом Макария? Царь Иван при воспоминании о распрях Шуйских и Бельских явно принимал сторону И. Ф. Бельского, царица приходилась близкой родственницей Тучковым, почему же

³⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, стр. 353.

³⁵ Там же, стр. 357—358; ПСР.Т., т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 576.

³⁶ См.: С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Археограф. ежегодник за 1957 г. М., 1958, №№ 432, 446, 479, 480, 490.

³⁷ Разрядная книга, стр. 104.

³⁸ Бабка Анастасии Романовны, жена Юрия Захарича Кошкина — родоначальника Захарьиных — Ирина Ивановна Тучкова была двоюродной сестрой М. В. Тучкова — дочерью его дяди Ивана Борисовича Тучка.

³⁹ Разрядная книга, стр. 10. В. М. Тучков не мог присутствовать на свадьбе («Василей не был за тем: убили с лошади; а была жена его, а в Васильево место был дружка Михайло Яковлевич Морозов»).

Грозный повосил М. В. Тучкова в первом послании Курбскому?⁴⁰ Объясняется ли это только несправедливостью к Курбскому, желанием очернить его родственников?⁴¹ Почему князь А. М. Курбский — внук М. В. Тучкова, сын его дочери (Марии?), высоко отзываясь об И. Ф. Бельском⁴² (в период возвышения которого отец его Михаил Михайлович Курбский — в 1540 г. — получил боярское звание), не пишет в «Истории о великом князе Московском» о своих родственниках по материнской линии,⁴³ более того, оставляет без ответа эти обвинения царя?⁴⁴ Что знали оба полемиста — царь Иван и Курбский — и что утаивали? Текст Сибирского судебного списка Максима Грека указывает одно из возможных направлений для изысканий.

В следственном деле Ивана Берсенья и Федора Жареного февраля 1525 г. келейник Максима Грека Афанасий назвал В. М. Тучкова среди тех аристократов,⁴⁵ которые «прихожи были к Максиму», «говаривали с Максимом книгами и спиралися меж собою о книжном». Правда, келейник специально оговаривается, что во время подобных бесед Максим келейников «вон не высылает», тогда как с Берсеньем «сидят долго один наодин». По-

⁴⁰ Иван Грозный дважды упоминает М. В. Тучкова и оба раза в глубоко негативном плане: «Также и матери твоей деды Василей и Иван Тучки многая поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану износили (см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 206); также и дед твой Михайло Тучков на преставление матери нашей, великия царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и поуже еси порождение изидья ехиднова, поему такой яд отрыгаеши» (Послания Ивана Грозного. Под ред. В. И. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 29). После смерти Елены в апреле 1538 г. «и тако подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царство безо владетели обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления добротного не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И велико тогда сотвориша! Колико бояр и добротных отца нашего и воевод избиха! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашей перенесли в Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и себе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил» (там же, стр. 33).

⁴¹ См.: Д. П. Альшиц. Иван Грозный и приписки к личным сводам его времени. Ист. записки, т. 23, 1947, стр. 263—264.

⁴² РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стлб. 167.

⁴³ Курбский лишь в ответе на второе послание царя, опровергая обвинения в «счаровании» царицы, отмечает: «А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница» (в доказательство в некоторых рукописях приводится родословная роспись — РИБ, т. XXXI, стлб. 133. — Возможно, что это и самостоятельное творчество позднейших переписчиков, склонных к подчеркиванию родства Курбских и Романовых).

⁴⁴ На это обратил внимание еще А. Н. Ясинский (Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 23).

⁴⁵ Иван Берсень, кн. Иван Токмак, В. М. Тучков, Иван Данилович Сабуров, кн. Андрей Холмской, Юшко Тютин.

⁴⁶ ЛАЭ, т. I, СПб., 1836, № 172 (стр. 141).

видимому, Максим объяснял Тучкову некоторые неясные места священных текстов, переводил и комментировал по его просьбе отрывки из трудов византийских авторов. Адресовал Максим ему и послания.⁴⁷ Так, В. М. Тучкова признают адресатом послания об управлении и милостивом суде, заканчивающегося словами: «Малыми писах к тебе, добрейший Василине, благородного корени благородно прозябание; вем бо, яко многими учен еси и разумен зело и немногих требуеши к воспоминанию словес, могущих привести на свершение всякия правды рачителя ея и теплага ревнителя, яков еси ты».⁴⁸

Принадлежность В. М. Тучкова к кружку Максима Грека, «культурная близость» с Максимом⁴⁹ несомненны. На этом основании, учитывая последующую литературную деятельность В. М. Тучкова, переписку позднее (в 1545 г.) по его заданию рукописи (или даже рукописей) переводов, выполненных Максимом Греком, и откровенно апологетическое отношение к Максиму племянника В. М. Тучкова Курбского, Василия Михайловича Тучкова называли обычно в числе «последователей, учеников и почитателей»⁵⁰ «Максима Философа».

Новый судный список Максима Грека заставляет признать такую характеристику односторонней: оказывается, В. М. Тучков был и одним из доносителей на Максима.

Пока еще трудно с уверенностью сказать, к какому процессу — 1525 г. или 1531 г. — относится этот донос, так как материалы процессов (и следственные материалы, и пункты обвинительных речей) сознательно перепутаны.⁵¹ Судный список представляет собой тенденциозное публицистическое сочинение, и предстоит еще серьезная работа по выявлению частей текстов, восходящих к каждому из процессов (в том числе материалов 1525 г., повторно использованных в 1531 г.). Сопоставление текста о Тучковых в судном списке Максима Грека с отрывком судного списка Берсения и Жареного и с разрядными записями позволяет предполагать, что донос Тучковых скорее можно отнести к первому процессу.

В кружке Максима беседовали не только на религиозные темы, но и на общественно-политические: Максима «вспрашивали», «как устроить государю землю свою, и как людей жало-

⁴⁷ См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 576—577. См. также: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 69, 141, 149, 178.

⁴⁸ Максим Грек. Соч., ч. II. Казань, 1860, стр. 347 — слово XXVII (у Иконникова — стр. 577 — неверно указано слово XXVI).

⁴⁹ См.: В. Ф. Ржигза. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 37, 81.

⁵⁰ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. IV и др.

⁵¹ Н. Н. Покровский. Сибирская находка, стр. 136; см. также: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, I половина. М., 1900, стр. 712.

вати, и как митрополиту жити»;⁵² затрагивались и волновавшие посетителей кельи острые вопросы внутренней и внешней политики, придворной жизни. Действительные причины расправы с Максимом остаются полностью не выясненными, но какая-то связь процесса 1525 г. с разводом и вторым браком Василия III признается исследователями, хотя в следственных материалах, естественно, события эти (компрометирующие лично государя) и не нашли отражения. (Допустимо предположить связь с этими событиями и процесса 1531 г., который мог произойти не раньше, чем родился последний престолонаследник). События эти имели большой общественный резонанс, запечатленный в различных памятниках публицистики, изобразительного искусства и фольклора.⁵³

В разговоре с Берсением Максим сетовал на то, что Василий III не отпускает его на Афон («пропусая деи у великого князя много, и он меня не отпустит»), об этом же говорил Максим и с Тучковым.⁵⁴ Возможно, степень откровенности в их отношениях была такова, что Максим не сдерживал себя в суждениях в присутствии Тучкова. Рассуждали в келье Максима и о том, что государь «припол жесток, а к людем немилостив» (эти слова Федора Жареного сообщил на допросе сам Максим, немало наговоривший тогда на своих собеседников).⁵⁵

Из следственного же дела Берсения и Жареного узнаем, что после ареста Максима («а Максима уже изымали») старались найти улики против него, провоцируя нужные следствию показания. Берсень передавал слова Жареного «велят мне Максима клепати» и его рассказ, как великий князь подсылал к нему тройского игумена («толко мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую»).⁵⁶

Допос Тучковых несомненно был использован обвинителями. Один из главнейших пунктов обвинения Максима — то, что он «великого князя Василья называл гонителем и мучителем нечестивым, как прежние гонители и мучители были нечестивы». ⁵⁷

⁵² ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

⁵³ См.: С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 115—116 (там же указана литература).

⁵⁴ И, видимо, с другим аристократом кн. Петром Ивановичем Шуйским. Намек на это обнаруживается в послании ему Максима Грека, датированном примерно 1542 г. (Максим Грек. Соч., т. II, стр. 418). Возможно, что Максим показывал Тучкову какую-то «грамоту греческую» (Сибирский список, л. 340 об.), касающуюся его возвращения на Афон. Впрочем, эту фразу судного списка (дошедшую не полностью) допустимо понимать и как свидетельство того, что Максим обучал Тучкова греческому языку.

⁵⁵ ААЭ, т. I, № 172, стр. 143.

⁵⁶ Там же, стр. 144.

⁵⁷ Сибирский список, л. 329; См.: ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Е. Е. Голубинский полагал, что это обвинение «должно быть считаемо истинной

Эта формулировка в дошедшем судебном списке Максима Грека близка именно к словам Максима, переданным В. Тучковым («Яз чайд, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гопители на хрпстянство»). Сходство здесь почти текстуальное: сомнение в том, «благочестивый» ли государь, и выражение «нечестивый»; сравнение с прежними государями, «которые гопители...», и выражение «прежние гопители». Быть может, близость формулировок доноса и обвинения объясняется тем, что Тучковым подсказали формулировки доноса⁵⁸ (митрополит Даниил или даже Василий III — ведь «присылал» же он с этой целью к Жареному троицкого игумена!)?

Судный список Максима Грека дает основание думать, что большую роль в доносительстве играл не Василий Тучков, а его отец, более искушенный в политических обстоятельствах, именно М. В. Тучков бил челом государю по этому поводу, что и позволяет говорить о «доносе Тучковых», а не одного В. Тучкова. Знаменательно при этом, что расспрашивал молодого Тучкова о подробностях его бесед с Максимом сам Василий III.

Личная ненависть к Максиму и Василию III, и Даниилу, их заинтересованность в обличении его поступков и слов заставляли страшиться за свою судьбу тех, кто в какой-то степени был близок к Максиму.⁵⁹ И некоторые старались, выгораживая себя, отмежеваться от Максима, «клепати» его, соблазненные, очевидно, обещанием великого князя: «только мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую». Так себя повел и Михаил Юрьевич Захарьин, сообщивший как достоверный факт нелепый рассказ о сожжении еретического училища в Италии,⁶⁰ так поступили и Тучковы.⁶¹

И подобное поведение, действительно, было вознаграждено приближением к великому князю. Особенно на виду были эти лица⁶² во время свадьбы Василия III и Елены Глипской 24 января 1526 г.: М. Ю. Захарьин был вторым дружкой государя.

и единственной причиной того, что великий князь воспылал страшным гневом против Максима и почувствовал к нему непримиримую ненависть» (История русской церкви, т. II. I половина, стр. 717).

⁵⁸ См. наблюдения Н. А. Казаковой о «заранее подготовленных ложных показаниях свидетелей», нашедших свое отражение в судебных списках (О «судном списке» Максима Грека. Археограф. ежегодник за 1966 год, М., 1967, стр. 36).

⁵⁹ Одним из оснований для опасений могло быть и то, что среди тех немногих, кто особенно «прихожи были к Максиму», называли И. Д. Сабурова (по-видимому, родственника Соломоныды) (ААЭ, т. I, № 172, стр. 141).

⁶⁰ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка, стр. 133—134. (Правда, донос этот может быть отнесен и к собору 1531 г.).

⁶¹ Максим Грек писал позднее такому хорошо осведомленному человеку, как кн. П. И. Шуйский, о «клевете злыя блудницы» (Максим Грек. Соч., т. II, стр. 237).

⁶² Любопытно, что в синодике Горницкого Переяславского монастыря семьи М. В. Тучкова и М. Ю. Захарьина написаны одна за другой (ГИМ, собр. Уварова, № 777, л. 31).

жена его сидела за столом; ⁶³ «за великою княгинею ходити, у сашей детей боярских збирати» велели окольному М. В. Тучкову ⁶⁴ («да с ним дьяку Елизару Цыплятеву» ⁶⁵). Среди носивших каравай в первой четверке вторым был его сын Иван, во второй четверке первым — другой сын Василий; двоюродная сестра его Ирина — жена Юрия Захарьича — сидела третьей (в числе пяти боярынь) за столом. ⁶⁶ Если даже признать, что донос Тучковых имел место в 1531 г. и целью его было не оправдаться и тем самым спасти себя, а закрепить свое положение при дворе, то и в этом случае цель можно считать достигнутой: М. В. Тучков стал приближенным боярином великого князя, а сын его — доверенным лицом новгородского архиепископа Макария, ⁶⁷ донос которому о неканоничности некоторых переводов Максима послужил формальным поводом процесса 1531 г. ⁶⁸

Выступление Василия Тучкова против Максима Грека, вероятнее всего, было не вполне искренним: он действовал (как отмечалось выше) под давлением отца и вышестоящих властей. «Максим Философ» оставался для него духовным авторитетом и позднее. ⁶⁹ В 7053 г. (1544/45 г.) «повелением» В. М. Тучкова «паробок» его («Богданец Якимов сын ростовец») переписал рукопись перевода Максима Грека толкований Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна. ⁷⁰ Тем же почерком (хотя, вероятно, и несколько позднее), по наблюдению Н. В. Симицной, написана и находящаяся в том же собрании другая рукопись — переведенная Максимом Беседа Иоанна Златоуста о Евангелии Матфея, ⁷¹ однако записей на рукописи нет. Характерно, что перевод толкований Евангелия Матфея был сделан в 1523 г., ⁷² а толкований Евангелия Иоанна — в 1524/25 г., ⁷³ т. е. как раз в ту пору, когда В. М. Туч-

⁶³ Разрядная книга, стр. 9.

⁶⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 85, прим. 5.

⁶⁵ Интересно отметить, что Иван IV вспоминал о том, что М. В. Тучков о Елене Глинской (уже в момент ее кончины) «многая надменная словеса изрече» как раз Е. Цыплятеву.

⁶⁶ Разрядная книга, стр. 9—10.

⁶⁷ См.: Повесть о житии Михаила Клопского, стр. 73.

⁶⁸ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка, стр. 137.

⁶⁹ Можно подозревать, что жизнь В. М. Тучкова в какой-то мере омрачалась горечью воспоминаний о своем отступничестве, о зле, которым он ответил на доверие Максима.

⁷⁰ ГИМ, Воскресенское собр., № 82. Текст опубликован (в вольной транскрипции) Амфилохием (Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, М., 1875, стр. 130—131).

⁷¹ ГИМ, Воскресенское собр., № 80. Рукопись любезно указана Н. В. Симицной, отметившей также, что одна из филиграней сборника указана у Брикe под 1549 г.

⁷² В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 175.

⁷³ Это отмечено и на л. 1 рукописи (см.: С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. CCLXXI. См. также: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, стр. 48).

ков «прихож был к Максиму»; и очень вероятно, что об этих книгах они «говаривали с Максимом». Небезлюбобонитно, что одна из главных тем этих сочинений, как известно, взаимоотношение учителя и учеников. Впрочем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что «повелеше» переписать рукописи было сделано В. Тучковым тогда, когда уже начиналось сближение Максима и Макария,⁷⁴ ставшего к тому времени митрополитом всеа Руси.

Отношение Андрея Михайловича Курбского к Тучковым в значительной степени предопределялось уже позицией Тучковых в деле Максима Грека. О «Максиме Философе» Курбский писал в начальной части «Истории о великом князе Московском» и связывал его деятельность с деятельностью «великих и нарочитых мужей», которые вместе с кн. С. Ф. Курбским (братом его деда) пострадали за то, что «возбраняли» Василию III вступить в незаконный брак.⁷⁵ Продолжателем дела этих мудрых и смелых «сиклитов» мыслил или хотел представить себя А. М. Курбский.⁷⁶

Курбский не мог не осуждать Тучковых, угождавших Василию III и предавших Максима Грека, апологетом которого он оставался до конца дней своих и близостью с которым он неизменно гордился. Подчеркивая благородство происхождения и поступков, «святое жительство»⁷⁷ родственника по отцовской линии С. Ф. Курбского, публицист постарался умолчать о своих родственниках по материнской линии и в «Истории», и в посланиях к Ивану Грозному. Видимо, Курбский не считал возможным и не хотел в своих сочинениях оправдывать Тучковых,⁷⁸ осуждать же Тучковых, напоминая тем самым об этом родстве, ему было явно нежелательно. Имело значение и то, что Тучковы были намного ниже по происхождению, чем князья Курбские, «влекомые» от первых киевских князей; Курбскому, как и Ивану Грозному, свойственно было представление (соответствующее местнической идеологии и психологии людей XVI в.) об особых достоинствах лиц «повышенной княжачой крови».⁷⁹

⁷⁴ В записи на рукописи толкования Евангелия Иоанна указано при датировке не только время «державы» Ивана IV, но и «великия архиерейства Руския земли» Макария (л. 505).

⁷⁵ РИБ, т. XXXI, 1914, стлб. 163—165.

⁷⁶ С. О. Ш м и д т. К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении пола Сильвестра). Славяне и Русь, М., 1968, стр. 372—373.

⁷⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 164.

⁷⁸ Не исключено, что Курбский, возвеличивая Максима Грека в своих сочинениях и даже составляя (как предполагает Э. Денисов) его житие, в какой-то мере пытался замолить грех своих родственников. Одновременно, напоминая о своих встречах с Максимом Греком, Курбский давал понять, что он воспринимался Максимом как наследник не Тучковых, а С. Курбского.

⁷⁹ Слова царя Ивана (Послания Ивана Грозного, стр. 263). См.: С. О. Ш м и д т. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса). Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), М., 1964, стр. 188—189.

Можно предположить, что между родственниками А. М. Курбского по отцовской и по материнской линиям в середине 1520-х годов произошла размолвка.⁸⁰ Слишком по-разному сложились в эти годы их судьбы: если С. Ф. Курбского Василий III «ото очей своих отогнал, даже до смерти его»,⁸¹ то М. В. Тучкова он, напротив, возвысил. Позднее именно князю Кубенскому, близкому к Курбским,⁸² была передана отнятая у М. В. Тучкова должность дворецкого, и Кубенские поддерживали Шуйских, противником которых выступил Тучков.

Накопец, явно не соответствовала взглядам эмигранта Курбского направленность Жития Михаила Клопского против «межусобных брачей» русских князей с великим князем, еще более усиленная в редакции В. Тучкова.⁸³

Думается, что Иван Грозный не мог не знать об отношении Курбского к Тучковым и тем более уязвлял его, напоминая об этом родстве. Однако страстная озлобленность выражений царя показывает, что у него были и какие-то особые причины для личной неприязни к М. В. Тучкову,⁸⁴ но эти подробности в значительной части остаются еще вне поля зрения исследователя.

Изучение новых данных о Тучковых в Сибирском судном списке Максима Грека в сопоставлении с известиями других источников позволяет выяснить новое не только о Тучковых, но и о более выдающихся деятелях — Максиме Греке и Курбском. Приоткрываются неизвестные ранее (употребляя выражение Б. А. Романова⁸⁵) «куски и закоулки русской жизни», неясные стороны политической жизни и политической публицистики XVI в., но только приоткрываются, потому и в статье больше предположений, чем утверждений.⁸⁶ Более того, новое о Тучковых — это и появление новых загадок.

⁸⁰ Свадьба родителей Курбского вряд ли была ранее середины 1520-х годов, так как старший из сыновей от этого брака, доживших до 1550 г., князь Андрей родился в 1528 г. Следовательно, если размолвка имела место, то сравнительно скоро после свадьбы. Это не означает, впрочем, что Курбский не мог общаться в юные годы со своим дядей Василием Тучковым (и беседовать с ним о Максиме Греке и событиях, с ним связанных).

⁸¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 165.

⁸² О высоких достоинствах И. И. Кубенского Курбский писал в «Истории» (стлб. 167).

⁸³ См.: Повести о житии Михаила Клопского, стр. 77.

⁸⁴ Быть может, преувеличение власти, распоряжение делами именем государя? (сравнить с характеристикой деятельности Ф. С. Воронцова в приписке в Царственной книге — ПСРЛ, т. XIII, стр. 449).

⁸⁵ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 16.

⁸⁶ В этой связи нельзя не вспомнить наблюдение Б. А. Романова: «Историк древней Руси никак не может обойтись без догадок и предположений...», памятуя, что „доказательство“ в его обиходе — термин слишком претенциозный, если держаться прямого его математического смысла (там же). Это наблюдение вполне можно распространить и на изучение явлений русской истории XVI в.